

ТАНТАТИВА N2

ЧАСТЬ 1

АЛЕКСАНДР СОЛИН

Александр Солин

Тантатива номер 2, часть 1

<https://litres.ru/74642014>

SelfPub; 2026

Аннотация

В отличие от разочарованного лермонтовского героя, который «вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно», герой вступает в новую, пережив старую реально и в отличие от него не истощив при этом «жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни», а потому надеется, что при проживании второй жизни ему не станет «скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге».

Александр Солин

Тантатива номер 2, часть 1

Жизнь есть сон, снящийся Богу.

(Хорхе Луис Борхес)

*We are such stuff as dreams are made on,
and our little life is rounded with a sleep.*

(William Shakespeare)

И повторится все, как встарь...

(Александр Блок)

Ч А С Т Ь I

Мне приснился Бог, а поскольку Богу в свою очередь снилось, что жизнь, в том числе и моя, есть сон, мой камерный, усугубленный ватной тишиной морок стал еще более зыбким и неверным. Того и гляди, растает вместе со мной! Впору молиться, чтобы божий сон был как можно крепче!

- Ну, что притих, спрашивай! – проник в меня божий глас.

- А можно? – оробел я.

- Во сне все можно.

И я спросил первое, что пришло на ум:

- Сказано, что всё тщета и ловля ветра. И смысл жизни тоже?

- Мало ли что у вас там сказано.

- А правильно я понимаю, что если всё проходит, то и смерть тоже?

- Может, есть вопросы поумнее?

- Тогда не вопросы – жалоба. Можно? – осмелел я.

- Разумеется, - по-отечески обдал меня Бог своим неземным, небесно царственным сиянием.

- Я тут на днях подвел промежуточный итог своей жизни и сильно огорчился. Это же не жизнь, а черт знает что! Какой-то безграмотный убогий черновик!

- А я здесь причем? – прогудел Бог. – Тебе были даны разум, воля, способности, здоровье. Где-то даже с лихвой. Я что ли виноват, что ты всё профукал?

- Да, Господи, конечно, мне кроме себя винить некого! Но Господи ты боже мой, почему мы живем только раз? – загорячился я. – Ведь жизнь так коротка и так непроста! Кому и какая польза от нашего позднего ума? Ведь обидней всего не то, что всё проходит, а что проходит не так как надо! По мне жизнь должна быть подобна шахматной партии, проиграв которую можно сыграть новую! Каждый должен иметь право на реванш!

- Ишь, какой бойкий! Впрочем, это так по-человечески – строить планы на краю вечности! – улыбнулся Бог и, помолчав, вынес вердикт: - Хочешь реванша? Что ж, изволь.

Как говорится, тантатива не крапива, спрос не вопрос. Так и быть, сыграю с тобой еще одну партию. Выиграть ты ее, конечно, не выиграешь, дай бог вничью свести, зато на покой уйдешь с чистой совестью. Ну что, согласен?

- Согласен, Господи!

- Вопросы есть?

- Есть! Это будет новая жизнь или исправление старой?

- Где ж я тебе новую возьму? У меня запасных жизней нет.

Так что переписывай начисто свою.

- И правильно, Господи! – воодушевился я. - Новая жизнь – новые ошибки, а тут всё уже известно! Нет, правда, там есть очень даже симпатичные места! Детство, например. Оно у меня было хорошее, славное, можно сказать, счастливое. Туда же школа, институт... Да что говорить - первая треть партии была удачной, грех жаловаться! А вот дальше я бы кое-что решительно исправил.

- Что ж, дерзай. Только с ошибками поаккуратней, не перемудри. Не всё, что ты считаешь ошибками таковыми являются. Не дай бог исправишь не то – будет еще хуже.

- Так я же, вроде, буду всё знать наперед!

- Но, но! Всё знать наперед даже мне не дано! – нахмурился Бог. - И потом, что это за шахматы, в которых знаешь всё наперед? Это, сын мой, не шахматы, а наперстки! Хочешь – сыграем! Но тогда ты точно проиграешь!

- Честно говоря, не ожидал... - расстроился я. - Думал, начну с чистого листа с черновиком под рукой...

- Так и есть: с чистого листа по проторенной дорожке с царем в голове. Споткнешься – опомнишься, а нет – пеняй на себя. Главное, знай: не каждая яма – долговая, не каждый камень – преткновение. И еще: на всякий случай будут кое-какие ограничения, чтоб ты мне там дров не наломал. Так что не удивляйся. Ну, все понял?

- Понял, Господи!

- Тогда играем?

- Конечно, Господи! Все равно хуже уже не будет!

- Как знать, как знать! – усмехнулся Бог и участливо добавил: – На всякий случай мой тебе совет: никогда ни о чем не жалея, ибо все что ни делается – к лучшему.

- Спасибо, Господи, учту...

- Тогда я тебя сейчас переверну, как песочные часы, а дальше сам. Ну что, готов?

- Готов, Господи!

В отличие от разочарованного лермонтовского героя, который *«вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно»*, я вступаю в новую, пережив старую реально и в отличие от него не истощив при этом *«жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни»*, а потому смею надеяться, что при проживании второй жизни мне не станет *«скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге»* успел подумать я, прежде чем услышал:

- Ну, с Богом!

Секундный кульбит, и чистое дно моих песочных часов запорошили песчинки первых дней нового младенчества. Если уж меня уподобили песочным часам, то резонно было бы предположить, что первыми в нижнюю колбу посыплются песчинки последних дней моей прежней жизни, сделав меня не по-детски умудренным. Но нет: было по-особому и со значением темно - это когда изображения еще нет, но вы знаете, что фильм уже начался. Где-то рядом со мной королева мать и ферзь отец. Иногда они склоняются надо мной, но я их еще не вижу и не слышу. Скоро я открою глаза и буду тарашиться на то, что впоследствии назову пространством. Пустое пространство страшит: оно должно быть заполнено лицом матери. Не отсюда ли берет начало наш страх замкнутой пустоты? Я зову мать плачем и приветствую бессмысленной улыбкой. Слайды кормления чередуются с беспомощностью младенческого сна. Классический дебют спеленатого внеутробного, который я не в силах изменить. Все, что мне остается – это заявлять о себе тем или иным способом. Их, собственно, два: либо капризничать, либо улыбаться. Я пользуюсь тем и другим. За пеленками следуют фланелевые распашонки, и это уже новая степень свободы. Можно переворачиваться, ползать, сидеть. Родители радостными возгласами приветствуют мои достижения. Однажды я со-

бираюсь с силами и, цепляясь за решетку кровати, встаю. Я еще в клетке, но готов сделать первый шаг. Заглянувшая в комнату мать разражается бурной радостью, подхватывает меня на руки, подносит к зеркалу, говорит: «Смотри, какой ты у меня уже большой!», и я вижу там свою довольную мордашку.

А вот весьма примечательный эпизод, совпадающий с моей первой, самой ранней памятью: я на коленях у матери захожусь плачем. Происходит это, как я теперь понимаю, в жаркой, пропитанной запахом бензина кабине грузовика. Пытаясь меня успокоить, водитель тычет пальцем в прибор, за круглой стекляшкой которого мечется тонкая стрелка. Уставившись сквозь слезы в прибор, я на несколько секунд замолкаю, и вид этой дрожащей, испуганной стрелки вонзается в память на всю жизнь. Убедительное подтверждение того, что черновик с божьей помощью переписывается. Ошибок же пока либо нет, либо они орфографической природы и на синтаксис жизни не влияют. Скорее же всего вмешательство просто неуместно, ибо река младенчества течет, как и положено истокам, естественно, прихотливо и свободно. Как бы то ни было, моя память вопреки ожиданиям неотягчена будущими событиями, и у меня нет ни малейшего представления о том, что, где и как я должен поменять. Остается дожидаться и понять, каким образом мне будет дано об этом знать.

Первые два-три года жизни чрезвычайно важны: именно

в этом возрасте просыпается сознание, все более осмысленным становится взгляд, вещи обретают имена и значение, наполняются смыслом слова, будят воображение игрушки, нащупывается связь вещей, поступки делятся на «можно» и «нельзя». Я делаю то, что хотят родители: не бегаю, сломя голову, ем нелюбимую манную кашу, слушаю сказки, декламирую стихи – словом, держусь в рамках дозволенного. У нас есть кошка коленкоровый нос. «Мама, смотри, на крыльце *складбище* кошек!» – таковы перлы моего детского языка, что живет до поры, до времени в каждом ребенке. Со мной не надо быть строгим – я все понимаю с полуслова. Ранней сообразительностью я привожу родителей и ближайших родственников в неистовое умиление. По их единодушному мнению я идеальный ребенок. Таким меня в два с половиной года и приводят в детский сад. Заведующая сходу заключает: «Маленький он еще...» Мать-педагог с жаром пытается ее переубедить, заведующая вяло отбивается, я перевожу глаза с нее на мать и обратно, наконец мне это надоедает, и я громко и отчетливо говорю: «Мама, я не хочу в детский сад, пойдем лучше новое кино смотреть» У заведующей широко открываются глаза, она спрашивает: «А что это за новое кино?», и я снисходительно поясняю: «Я шагаю по Москве», хотя до Москвы мне из нашего провинциального городка еще шагать и шагать. Видно, педагогическому интересу молодой заведующей не чужд здоровый авантюризм, и для меня делается исключение. Стоит ли говорить, что ис-

тория о том, как я сам себя определил в детский сад, стала для матери предметом несдержанной гордости.

Проходит несколько месяцев, и становится явью мое второе воспоминание, которое я приветствую радостным узнаванием. На дворе зима, и меня вместе с еще двумя карапузами везут на местное радио, где мы должны прочесть стихи. Нас выводят на широкое крыльцо, и меня буквально оглушает лунный свет. Зимняя луна в зените - огромная, ослепительная, радостная, заливая мир ликующим сиянием. В нем приглашение в сказку и праздничный блеск серебристой обертки шоколада. Потом меня поставят на стул перед микрофоном, и я с трогательным, по словам воспитательницы, выражением прочитаю стихи Агнии Барто. Дома меня будут ждать растроганные родители и шоколадные конфеты «Мишка на севере», но все это осядет на дне памяти нестойким, смазанным, бесцветным грузом, а поверхность украсится переливчатой картиной волшебной луны с ее дивным, сказочным светом. Не с того ли зимнего вечера я неизлечимо болен полнолунием?

И все же не благолепием единым жива новая жизнь. Не чужд ей и драматизм. Мне четыре года, мы приезжаем на неделю в деревню, и в один из душных комариных вечеров я обнаруживаю себя между матерью и возбужденной коровой. Они бегут ко мне с двух сторон – мать, вытянув ко мне руки, корова – наклонив лобастую голову, и мать успевает умыкнуть меня из-под самого коровьего носа. Только поче-

му прежняя память робко утверждает, что первой была все же корова, и я, совершив короткий полет, оказался в руках матери? Слава богу, в обоих случаях я остался цел и невредим, а потому дважды слава богу, что не дал бодливой корове рогов. И все же то лето запомнится не этим случаем и не парным, с животным вкусом коровьего вымени молоком, которое меня заставляли пить через силу, а запахом свежего сена, связанного с недетским предчувствием чего-то волнующего и сердечного.

Благодаря опеке родителей, детство мое катится, как круглый мяч по ровному полю. Есть три среды обитания. Это в первую очередь детсад, где мы все равны и где наша порывистая непоседливость умиряется правилами, распорядком и предсказуемостью. Здесь зреют и возникают предпочтения и симпатии, тут тебе и первый друг, и первая, не похожая на других девочка. Государство уже знает, кем мы будем через двадцать лет, и усердно нас к этому готовит. Мы - продукты системы дошкольного образования. Из нас лепят будущих членов общества, где все работают, а свободный образ жизни порицается и преследуется. Помимо детсада есть родительский дом, и там я на привилегированном положении. С горячим, прочувствованным участием отношусь к тем, кто с малолетства был лишен самого главного – родительской любви. Сочувствую и разделяю затаенную обиду тех, кто рос без отца. Каково это – с детства жить со вкусом предательства, избавиться от которого способно лишь мстительное торжество

при виде блудного, кающегося папаши у вас в ногах. Чрезвычайно редкое, между нами говоря, зрелище, ибо эгоистичны и трусливы нищие духом. Анафема – вот самое малое наказание для них. Такие отцы не заслуживают звания мужчин, и на том свете им воздастся. Для ребенка, однако, обидней всего не ущербная семья, а невозможность эту ущербность устранить: обстоятельства нашего рождения находятся за пределами нашего опыта. И наконец, улица, где мы, детеныши добрых и строгих взрослых, сбиваемся в стаю, процесс познания законов которой идет полным ходом. Боль воспитывает осторожность, инстинкты наполняются стадным чувством, мнение старших возводится в закон. Думаю, не ошибусь, если скажу, что детское непослушание – это превратно понятое стремление ребенка расширить горизонты дозволенного.

Как часто я, предлагая себя взрослым в помощники в их больших и важных делах, слышу: «Ты еще маленький». А вот для женской бани, куда мать берет меня с собой с малых лет, я однажды вдруг оказываюсь большим. «Да ему всего четыре, что он понимает!» - отбивается мать от строгой банщицы. Та склоняется надо мной и спрашивает: «Сколько тебе, мальчик, лет?» «Пять лет и два месяца» - с готовностью отвечаю я. Банщица улыбается и говорит: «Вот видишь, все он понимает... Ладно, проходите» Что ж, я и правда все понимаю, кроме одного - если мне можно мыться с голыми дядями, почему нельзя с голыми тетями? Потому лишь, что у

их малолетних дочерей вместо моего краника гладкий пирожок? Я знаю, что стыдно – это когда у девочки трусы видно, но никто не стыдит ее за то, что она снимает их, чтобы пописать. Пять лет – это еще ангельский, бесполоый возраст. Для него различия между полами чисто внешние: мальчики носят штаны и рубашки, девочки – платья, у мальчиков челки, у девочек – косички, мальчиков можно обижать, девочек нельзя. Как часто, когда кто-либо из нас в чем-то виноват, воспитательница принимает строгий вид и говорит: «Петров (Иванов, Сидоров), как тебе не стыдно!» Но как нескоро еще эта вменяемая нам вина разделится на сконфуженное Я и надзирателя-совесть!

Катится по ровному полю дебюта жизни круглый мяч моего детства. Оживают, цепляясь друг за друга, сцены, эпизоды и события, копируя прошлое и воплощаясь в настоящее. Одни встречаются с жадным любопытством: в них столько трогательного и простодушного очарования, а вот поди ж ты, давно и прочно забыты. К другим стоит лишь приблизиться, и вспыхивает недобрым чутьем прежняя память, предсказывая, что через несколько секунд меня укусит вот этот добродушный лохматый пес, рваные следы зубов которого останутся на моем теле на всю жизнь. Остается только пожалеть, что я, даже будучи предупрежден, не успеваю увернуться от нападения. Одно из двух: либо копирование черновика происходит помимо моей воли, либо мой внутренний цензор, как и я сам еще недостаточно смышлен. А пока сменяют друг

друга сезоны, невидимка-ветер рядится то в пыль, то в опавшие листья, то в снег, то прикрывается саваном тумана, а когда косматые черные тучи заволакивают горячее солнце, он бушует так, что кажется, будто город с трудом удерживается на месте, чтобы не улететь. Сейчас вокруг нежно-зеленое березовое буйство. Густо усыпана непобедимыми одуванчиками придорожная трава. Черемуха растеряла лепестки, отчего земля вокруг усеяна ими словно рыбьей чешуей. Вянет сирень и вместе с ней слабеет сиреневый запах. Солнце золотой расплавленной каплей стекает за горизонт. Сегодня день моего рождения. Мне шесть лет. Ждем гостей. В доме нервно дышат сквозняки, трепещут тюлевые занавески. С мяуканьем отворяется дверь, входят две соседки. У одной голос с гнусавинкой, у другой - с клекотом. Принесли шоколадные конфеты «Белочка». Я уже видел живую белку – в ней волнистая плавность чередовалась с мгновенной неподвижностью. Пришел мой седоголовый дед с бабушкой. Оба молодые, щедрые, радостные – готовы задушить меня в объятиях и накормить шоколадом. Глядя на них, мне и в голову не приходит, что придет время, и я буду таким же взрослым, как они - то есть, даже взрослее, чем отец с матерью. Пока же я расту здоровым, любознательным мальчуганом. Я знаю четыре стороны света. Особенно мне нравится восток. Утром там встает солнце, а вечером луна. Запад я не люблю. Туда прячется день, оттуда тянет сизой грустью. С севера веет холодом, на юге жарко пылает солнце. А еще я знаю, что Земля

круглая, а до Луны триста восемьдесят тысяч километров, то есть, почти в сто раз больше, чем от нас до Москвы. Со мной охотно играют другие дети, меня слушаются, ко мне жмутся те, на кого показывают пальцем и кого обзывают. Я защищаю девочек и всегда готов дать сдачи. Завтра в детсаде мои сверстники подарят мне свои рисунки и окружают праздничным вниманием, за что я буду угощать их шоколадными конфетами. Потом нас выпустят на обнесенную штакетником площадку, и мы беготней и птичьим гомоном украсим наше ничем не омраченное вхождение в мир. Пусть же длится это счастливое, беспечное, похожее на отсрочку не оглашенного приговора неведение или, говоря словами писателя, вписавшего детские голоса в художественную ткань мира: *«Пусть играют они вокруг меня вечно, никогда не взрослея»...*

2

Казалось бы, чем старше я становлюсь, тем сильнее должно быть ощущение расхождения желаемого с действительным. Но нет: жизнь моя течет ровно и плавно. Ни малейшего, даже смутного подозрения, что я проживаю жизнь заново. Разве что только события, более-менее запавшие в прежнюю память, воспринимаются мной как уже виденное разной степени удивления – от радостного до тревожного. К этому подсознательное, с налетом навязчивости стремление пере-

живать происходящее во всей его уникальной, чувственной, непреходящей полноте. Я не по-детски наслаждаюсь жизнью, как будто это делает кто-то другой, гораздо старше. Я жадно вглядываюсь в окружающий меня мир, и внутри меня восстает что-то давно и прочно забытое. В отличие от тех, чье время подобно подтекающему кухонному крану, мое журчащее время наполнено призывными звуками, яркими красками, пряными вкусами и манящими запахами, которые я с запоздалым, ностальгическим, по сути, удовольствием тороплюсь впитать. Кого-то школьные будни тяготят, меня наоборот, воодушевляют, и в школу я иду, как на праздник. Поглощение знаний идет полным ходом и не в угоду какому-то там интуитивному позыву из будущего, а благодаря природным способностям и любознательности. Сегодня я в полной мере понимаю скрытое значение присвоенного моему опыту символа песочных часов, а именно: вопреки моим тайным ожиданиям ни количество, ни качество моего песка (так и хочется сказать: моего будущего праха) не прибавились, ибо прибавление означало бы нарушение положенного в основу мироздания закона сохранения энергии. Отнять же у кого-то часть энергии и передать мне - согласитесь, было бы не по-божески. А потому рассчитывать я изначально мог только на свои неявленные резервы.

Я по-прежнему обитаю в тех же трех средах, только теперь вместо детсада – школа. Их можно представить в виде умозрительных замкнутых сфер влияния. В каждой свой

язык и правила, у каждой свое тяготение и атмосфера, каждая по-своему уникальна и незаменима. Их значение для меня растет по мере моего взросления и их удельные веса пока распределены между собой приблизительно поровну. И хотя отец с матерью остаются главными для меня людьми, крепнет влияние школы и улицы. То, что я узнаю в школе, я несую на улицу, уличные же познания – в школу. В восемь лет я уже всю употребляю слово из трех букв, а уж написать его на заборе считается среди нас особым шиком – даром что ли нас в школе учат читать и писать! Приблизительно к этому же времени относится мое первое знакомство с табаком. Спасибо соседу дяде Васе, который заметив меня курящим в компании таких же опьяненных уличной свободой пацанов, сообщил об этом родителям. Мать-педагог основательно выпорола меня, чем отбила желание курить на всю жизнь. И это был тот самый случай, когда ошибки исправляет сама жизнь.

И вот, наконец, в девять лет мне впервые довелось повлиять на событие, прописанное в черновике моей прежней жизни. Месяца за три до этого мне для упрочения, как я теперь понимаю, гуманного начала подарили щенка – беспородного и бестолкового, как и его бродячие сородичи, что круглый год слонялись по улицам нашего города. Днем он с трогательной щенячьей преданностью бегал за мной, а на ночь я запираю его в сарай, и если мне случалось опоздать с его утренним освобождением, он наполнял округу жалобным, обиженным воем.

Однажды во двор нашего двухэтажного дома к одному из соседей приехал на повозке родственник. Он распряг лошадь, привязал к повозке, сунул ей сено и ушел. Появление во дворе, давно и прочно привыкшем к автомобилям, транспортного средства мощностью в одну лошадиную силу вызвало в наших малолетних рядах шумное любопытство. Лошадь мерно жевала сено, подергивала кожей, переминалась, обмахивалась хвостом – словом, была живая. Кто-то молча и заморожено наблюдал за ней, кто-то хвастался, что у его деда в деревне такая же, только еще лучше, кто-то пытался подбросить ей с другого конца повозки сено. Я же стоял в сторонке и смотрел на нее с необъяснимым, нарастающим беспокойством, ставшим, наконец, предчувствием: что-то должно случиться. Вдруг я увидел, как мой бесшабашный щенок направляется к лошади и останавливается буквально в полуметре от ее копыт. Тут время на секунду замерло, и в моей голове с ослепительной, молниеносной, неправдоподобно реальной ясностью пронеслось видение: глупый щенок тычется носом в лошадиную ногу, лошадь лягает его в голову, и щенок замертво валится набок. Мгновенный ужас прогоняет видение, я кидаюсь к лошади и ору что-то нечленораздельное. Щенок в испуге шарахается, я подхватываю его, тащу в сарай, и он жалобно воет там, пока злосчастная лошадь с ее архаичным седоком не покидают пределы двора. Ночью мне снится, как я на виду у потрясенного двора бьюсь в истерике над мертвым щенком, как выбежавшая мать уво-

дит меня домой, а щенка куда-то уносят. Снится, как мать пытается меня успокоить, и ей это не удается. Снится, как я всю ночь рыдаю во сне, зная наперед, что больше ни за что и никогда не заведу собаку...

Утром я выпустил скулящего щенка на волю, и вскоре летние радости заслонили от меня вчерашний случай. В этом возрасте события не имеют разумного, а уж тем более эзотерического значения. Их либо забывают, либо они становятся очередной засечкой жизненного маршрута. В продолжение истории скажу лишь, что через два месяца щенок от меня сбежал. Я, конечно, погоревал, но не так исступленно, как если бы он стал жертвой лошади. Будь я лет на десять старше и в ладах с мистикой, я бы решил, что судьба, желавшая смертью щенка преподать мне жестокий урок сострадания, ворчливо устранила его из моей жизни другим, щадящим способом, чем избавила от весьма болезненной детской травмы.

3

Что за чудная штука, эта память! Вот уж, воистину, феномен феноменов! Питаясь настоящим, она творит наше бытие, подшивает прошлое и вглядывается в будущее. Созданная Космосом, она является неотъемлемой частью вселенского разума и его летописцем. Причудливая и капризная, она полна загадок и парадоксов. К примеру, память помнит

даже то, чего не было в реальности. Кто только не пытался проникнуть в ее тайны! Один Пруст чего стоит! Вот и я не перестаю удивляться ее странностям: пустые, необязательные, преходящие мгновения она порой хранит с наскальной нерушимостью, и наоборот: важные, назидательные, нетленной, казалось бы, породы события растворяются в ней без малейшего осадка.

Итак, процесс моего взросления шел в полном соответствии с законами педагогики. Мое воспитание и образование, как я уже говорил, происходило в трех средах, а потому предполагало официальную (пресса, теле, радио) и неофициальную (анекдоты, прибаутки, матерные стихи) точку зрения на мир. Я усваивал культурные коды и приобщался к основам коллективного разума того мира, в котором мне предстояло жить. Намеренно не касаюсь состояния и качества звездной пыли и уровня радиации той поры, что пронизывали планету и определяли условия и формы существования ее населения. Кто помнит конец шестидесятых прошлого века, тот их представит, кто не помнит – пусть оглянется вокруг и сделает поправку на деградацию человеческого общества. Для меня же в ту пору история цивилизации ограничивалась рамками избранных мест семейной хроники. Я уже знал, что дед и бабушка, родители матери, родом из одной деревни. Дед сам выучился играть на гармонии, и как говорила бабушка, был *первым парнем на деревне*. С автоматом и гармонью он прошел всю войну, а после войны переехал с бабушкой

и тремя детьми в небольшой сибирский городок, где живу теперь с родителями и я. Отец мой из детдома, и мне пока трудно понять, хорошо это или плохо. Одно знаю точно – он, как и мать очень сильно любит меня, а мать так просто трясется надо мной. А все потому что до меня у них была дочь – моя сестра, которая умерла в три года. Моя мать – педагог, отец – железнодорожник, и при мне они никогда не ссорятся. У матери, ее брата и сестры – красивые, сильные, глубокие голоса: у дяди – бас, от которого во время застолий мелко дрожат хрустальные подвески люстры, у тетки – что-то оперное. Не удивительно, что такой концентрированный семейный дар не обошел и меня. Я тоже пою, пою все подряд и с удовольствием. Кроме того, по настоянию деда учусь играть на баяне. Дед считает, что людям никак нельзя без музыки, а потому музыка – верный кусок хлеба. В музыкальной школе нас учат слушать природу. Говорят, что природа своими голосами указала человеку путь к музыке и в пример приводят «Полет шмеля» и «Сказки Венского леса». Так или иначе, музыка входила в меня с арией мистера Х и со сладкозвучным индийским гостем, и с маршем тореадора, и с танцем с саблями, и с вальсом к «Маскараду», и много еще с чем.

В музыкальной школе у меня есть друг – Петька Трофимов. Ему, как и мне десять лет. Однажды на уроке наша учительница велела нам не шуметь, а сама вышла из класса. Несколько минут мы сидели тихо, а потом Петька склонился к баяну и заиграл вполсилы что-то тягучее и чувствитель-

ное. Кто видел, тот знает самозабвенную привычку доморощенных баянистов сливаться в такие моменты с баяном щекой. Я глянул на него, и меня обожгло внезапное видение. Совсем как со щенком! Я увидел, как Петька играет, припав щекой к баяну, и вдруг с левой стороны на плоскую перламутровую поверхность влетает круглое зеркальце и разлетается на куски, один из которых попадает Петьке в глаз. Я в ужасе кричу ему: «Стой!» Он выпрямляется и смотрит на меня с недоумением. «Петька, - возбужденно говорю я ему, - никогда так не играй, иначе будет плохо!» «Чего плохо? Ты чего?» - смотрит он на меня. «Будет плохо, я чувствую!» - все еще под влиянием мысленного ожога отвечаю я. «Ты чё, Мишка, шутишь?» - подозрительно смотрит на меня Петька, решив, наверное, что я его разыгрываю. Вернулась учительница, урок продолжился. Больше мы к этому разговору не возвращались. Случилось это в начале мая, а через месяц мы разошлись на каникулы. Когда в сентябре мы встретились в музыкальной школе, у Петьки вместо левого глаза была безжизненная стекляшка. Что, где, как, почему – набросились мы на него, и он поведал о взрослой компании, где ему велели сыграть что-нибудь красивое, и о зеркальце, прилетевшем ему на баян от подвыпившей дуры...

Таким было мое второе видение. Мне бы насторожиться, соединить его с первым и признать за ним статус неслучайности, из чего следовал бы вывод о наличии у меня пугающего дара предвидения – но нет: для этого мне пока не хва-

тало ума. В случае же с Петькой обидным было то, что мое предупреждение оказалось холостым. Иначе и быть не могло: расскажи я Петьке о том, что видел, он бы просто поднял меня на смех! И все же для меня он так и остался живым укором моей детской нерасторопности.

Не хотел бы перегружать мое повествование биографическими подробностями, какими бы драматичными они ни были. С одной стороны, они никого, кроме меня не касаются, а с другой – отвлекают от существа авантюры, в которую я ввязался, а именно: взялся со второго раза одолеть путь, с которого сбился в первый раз. Почему авантюра? Да потому что со второго раза сыграть без ошибок не получится даже этюд до-мажор К.Черни! Так что упоминание здесь того или иного события делается с единственной целью - попробовать его судьбоносность на зуб. Существенным при этом является генезис моего отношения к кому-то или чему-то и встречное отношения ко мне.

После случая с Петькой внутри меня поселилось некое беспокойство. Подспудное и поначалу необременительное, оно напоминало состояние, в котором находишься, когда не выучил урок и печенками чувствуешь, что тебя вызовут. Где оно было раньше – бог его ведаёт: ведь те, за которых я теперь переживал, были вокруг меня и прежде. Так или иначе,

отныне я с опаской поглядывал вокруг в ожидании очередного подвоха. Прибавьте сюда уже ставшее привычным уже виденное (опять двадцать пять за рыбу деньги! – как любил приговаривать мой дед), и вы, возможно, поймете мое новое состояние.

По чьей-то зловредной, насмешливой прихоти окружающие меня люди (за исключением родных и близких, разумеется), квартировали в моей памяти преимущественно за счет их неприятностей. Если же учесть, что жизнь полна неприятностей, то помноженные на число моих друзей и знакомых, они грозили стать для меня, альтруиста поневоле, непосильным грузом. Слава Богу, что он подчинил жизненные напасти закону водоема, согласно которому крупной рыбы в нем гораздо меньше, чем мелкой. Так и здесь: на одно крупное, заслуживающее внимания злоключение приходилась сотня мелких, назидательных, в которых *«опыт, сын ошибок трудных»* нашел бы больше пользы, чем вреда. Предупреждения о них приходили ко мне без драматических ожогов – просто вспыхивала картина их последствий и медленно гасла, словно давая возможность оценить ущерб. Я заметил: если картина была яркой, значит, я сам буду свидетелем происшествия, если размытая – узнаю о нем со стороны. В конце концов, до меня дошло, что беспокоиться по пустякам о других (исключая опять же родных и двух-трех закадычных друзей) – себе дороже. К такому выводу я пришел после того, как посоветовал соседскому пацану добираться

на рынок, куда он был послан матерью за молоком не на велосипеде, а пешком. Он не внял, оседлал велосипед, на обратном пути с бидоном на руле упал, разлил молоко и сломал руку. Когда же я встретил его, загипсованного, он со злостью выпалил: «У тебя, Мишка, дурной глаз! Ты меня сглазил!», после чего перестал со мной дружить, а я – размениваться на мелочи. Перемена пошла на пользу: беспокойство поутихло и стало почти незаметным, как шум в ушах моего деда, к которому, по его словам, он привык.

Для полноты диспозиции сообщу об одном важном наблюдении, а именно: когда мы играли в футбол, я при всем желании не мог предсказать, кто победит. Более того, все мои прогнозы по поводу исхода событий состязательной природы, будь они дворового или мирового значения, были исключительно гадательного свойства. То же самое касалось азартных игр, где Бог играл с людьми в кости. И это было хорошо, потому что давало мне возможность предаваться наравне с другими шумному, эмоциональному чувствоизъявлению. Также непредсказуемыми для меня оказались события городского масштаба, не говоря уже о тех, что происходили за тридевять земель. Получалось, что видения мои касались только меня самого и моего окружения. Это означало, что вмешиваться я мог только в жизнь ограниченного круга лиц, который я, не желая, чтобы на меня показывали пальцем или крутили им у виска, сузил до клуба избранных. Так, например, случилось с соседом, добрым весельчаком дядей

Васей, имевшим старенький мотоцикл, на котором он, как мне привиделось, должен был благополучно скатиться в кювет. Я как можно деликатнее его предупредил, что у мотоциклов иногда на полном ходу лопается шина переднего колеса и что не следует увлекаться скоростью, на что дядя Вася, оглядев меня - белобрысого, вихрастого, больше похожего на яйцо, чем на курицу, пыхнул папиросой и философски заметил: бог не выдаст – свинья не съест. Когда же мое пророчество сбылось, дядя Вася, сияя синяками и потирая ушибленные места, при виде меня не сдержался:

«Ну ты, Мишка, прямо накаркал!»

Туда же случай с моим дядей, заядлым рыбаком, которого я однажды увидел во сне выплывающим из реки в полном рыбацком обмундировании.

Утром мать сказала:

«Сегодня дядя Леша едет на рыбалку, обещал рыбу привезти»

«Не привезет» - хладнокровно возразил я.

«Откуда ты знаешь?» - удивленно посмотрела на меня мать.

«В такую погоду рыба не ловится» - уклонился я, уже зная, что на середине реки у резиновой лодки дяди неожиданно станет травить воздух, и он отчаянно погребет к берегу. Метрах в десяти от берега лодка вместе со снастями и уловом пойдет ко дну, но дядя Леша, слава богу, выберется. Так все и случилось. Дядя потом долго потешал публику этим неза-

дачливым, приключением, заключая свой рассказ словами: «Всё хорошо, что хорошо кончается».

Не всё, к сожалению, кончалось хорошо, и тогда моя удручающая осведомленность доставляла мне недетские страдания, ибо нет ничего хуже бессильной сопричастности. Так случилось с моим одноклассником Стасом Моховым. В одиннадцать лет он хорошо и красиво плавал, что делало его излишне самоуверенным. Я с моим слишком вольным стилем ему в подметки не годился. В конце мая 1971 года я вместе с другими мальчишками нашего 4«А» выбежал из школы, чтобы распрощаться до осени. Сбившись в возбужденную стайку, мы галдели, перебивая друг друга, пока вниманием не завладел Стас, который объявил, что летом вместе с родителями едет под Ярославль и что он там обязательно переплывет Волгу. Стали спрашивать, какой ширины может быть в этом месте река, и он сказал, что около километра. Я смотрел на его возбужденное лицо, и вдруг меня опалило жаркое видение: Стас прыгает с высокого берега в воду и... всё. Я испугался: видение такой силы не сулило ничего хорошего. Когда стали расходиться, я догнал Стаса и по возможности убедительно сказал ему:

«Стас, тебе нельзя нырять с высокого берега»

«Чего-о?» - посмотрел он на меня свысока.

«Лучше не ныряй с высокого берега...» - повторил я.

«Да иди ты!...» - бросил он и пошел дальше.

Я снова догнал его, схватил за рукав и почти взмолился:

«Ну, послушай меня! Я правду говорю! Честно!»

«Да пошел ты, Мишка, куда подальше! Чего прицепился?»

«Стас, ты можешь... утонуть!» - в отчаянии выкрикнул я.

«Чего-о? Утонуть? – презрительно скривился Стас. – Это ты, лягушонок, можешь утонуть, а не я! Всё, давай, вали!»

Я так и остался стоять, беспомощно глядя ему вслед.

А через месяц пришла весть, что этот хвостун напоказ девчонкам сиганул с крутого берега Волги и, напоровшись на корягу, утонул. О покойниках либо ничего, либо хорошо, но я, не ведая об этой пока еще мешковатой для моего возраста истине, в порыве бессильного отчаяния пробормотал, упирая на букву «р»:

«Дурак ты, Стасик, ну, дурак!»

Накануне похорон нам сказали, что тот, кто пожелает, может с ним проститься. Кого-то не пустили родители, однако я, заручившись разрешением матери, пришел. Это были первые похороны, свидетелем которых я был, но мне было не избавиться от назойливого впечатления, что всё это я однажды уже видел. Одноклассники робко подходили к гробу и тут же отходили, чтобы спрятаться за спинами взрослых. Девчонки плакали, мальчишки сурово отводили глаза. Происходящее не укладывалось в их одиннадцатилетних головах, оно было вне их горластого, жизнерадостного понимания. Из всех скорбящих только я был готов к тому, что случилось. Прощаясь со Стасом, я взглянул на его неживое ли-

цо и тут же отвел глаза. Его так и похоронили с выражением обиженного недоумения.

5

То был первый раз, когда я так близко соприкоснулся со смертью. Буквально сказать, заглянул ей в лицо. Гнетущее впечатление от нашего знакомства усугубилось моей неудачной попыткой ей помешать. И все же смерть моего сверстника не поколебала мою веру в собственное бессмертие и в бессмертие моих родных. Подтверждением тому моя сестра, которая, по словам матери, не умерла, как остальные, а вознеслась на небо и теперь вместе с другими ангелами охраняла нас от всяких бед.

К моему двенадцатилетию я по-прежнему был умеренно озабочен своими и чужими неприятностями. Не то чтобы в моей жизни не было радостей – они были, нормальные детские радости. Это когда твоя сообразительность и ловкость делают тебя первым среди равных, а наградой - скупая похвала старших. И все же крепло подспудное убеждение, что в жизни неприятности важнее радостей. Почему-то именно они были у моей памяти на особом счету и исправно являлись мне, перед тем как случиться. Чтобы жить с этой напастью, надо было либо закрыть глаза и заткнуть уши, либо приобрести репутацию провидца и ею отводить грядущую беду. Не зная, что делается в головах других, мне, однако, и

в голову не приходило считать себя каким-то особенным по части предсказаний. Да и как могло быть иначе, если каждый из нас запросто мог предсказать, что будет с нами через полчаса или даже через год. В первом случае будет урок русского языка, и училка вызовет Кольку Артамонова и поставит ему двойку, а после него - Людку Смирнову, и поставит ей пятерку, да еще и скажет: «Вот, Артамонов, учись, как нужно отвечать!». Ну, а через год мы будем уже шестиклассниками. А еще после уроков мы будем играть в баскетбол, и Яшка Гилевич, такой же неуклюжий, как и азартный, обязательно упадет и расшибет локоть или колено. И все же, почему предупреждаю только я? Кстати, все, кого я предупреждал, так и не вняли мне. Будь я поумнее, я бы зарубил себе на носу, что не каждый, кто предупрежден – вооружен: для того чтобы предупреждение вооружало, оно должно исходить от авторитета, а чтобы таковым считаться, необходимо иметь репутацию. Ну, ладно для других я не был авторитетом, но почему иногда выходило так, что я и сам не мог избежать того, о чем предупреждала моя память? А потому, скажу я вам с высоты нынешних лет, что есть события, планируемые нами и события, планируемые за нас. Только откуда мне это было знать в двенадцать лет, если многие не догадываются об этом и в сорок? И всё же, если я такой же, как все, а все такие же, как я, почему никто не предупредил меня, что после драки с Шуркой Злобиным из 5«Б» мою мать вызовут к директору и, предъявив разбитый нос Злобина, обзовут ее сына хули-

ганом? А ничего, что этот урод на моих глазах толкнул нашу Соньку Крылову так, что она упала, и у нее до резинок задрался подол? Ну да, она мне нравится, но я бы врезал Злобину за любую нашу девчонку! Сам-то я уже за пять минут до злосчастной перемены знал, что меня не должно там быть, но пошел туда и подрался. Несмотря на горячую защиту меня Сонькой, мать восприняла директорский выговор близко к сердцу и, придя домой, рассказала все отцу. Отец, которому в детдоме не такое приходилось видеть, строго велел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.